

тором упоминал Шишмарев. В этом и заключается одна из главных методических ценностей применения к новой литературе моделей, созданных для архаических художественных явлений.

Роман — господствующий жанр нынешнего культурного цикла. Устанавливая в результате диахронической редукции историко-типологическую параллель между книжной прозой и волшебной сказкой, мы как бы выносим роман за скобки нашей культуры. Эта операция, если говорить по-просту и вкратце,⁷³ необходима для того, чтобы разглядеть в обычном для нас специфическое и оригинальное.

Нельзя сказать, что сказочность «Капитанской дочки» вовсе не ощущалась исследователями. Но то были именно ощущения, более или менее остроумные догадки, из которых не делалось фундаментальных выводов.

В. Д. Сквозников в статье «Стиль Пушкина» замечает, например, что «дворянская царица, как добрая фея, довершает то благое дело, которое начал мятежный крестьянский царь, — и всё, как в сказке, кончается хорошо, благополучным союзом любящих сердец» (подчеркнуто автором, — И. С.). «Именно как в сказке! — восклицает Сквозников. — Как только мы уясним себе это, все становится на свои места. Перед нашим взором не „реальная“ императрица Екатерина II с обязательными атрибутами своего исключительного положения, а близкая к сказочному образу царица и важная, и доступная».⁷⁴

Допустим, что так. Но даже если мы согласимся пока с этими утверждениями, считать их доказанными мы не в праве. В самом деле, разве счастливый конец и финальная брачная тема не присутствуют во множестве произведений, не имеющих ничего общего со сказкой? А с другой стороны, разве сказка не знает злых царевен — антагонистов героя? Почему бы Пушкину было не воспользоваться этим классом сказочных персонажей (тем более, что тогда его повесть гораздо удачнее уложилась бы в схему Сквозникова)? Для того чтобы ответить на вопросы такого рода, нужно предпринять сквозной анализ всей сюжетной структуры «Капитанской дочки» в сопоставлении с системой сказочных функций и мотивов, а не ограничиваться ни к чему не обязывающими частными наблюдениями.

Помня, что доказать что-либо в литературоведении — значит показать связь и иерархию художественных элементов в системе, мы можем считать финальные (или какие-то иные) звенья «Капитанской дочки» восходящими к сказке лишь при том обстоятельстве, если будет обнаружена, как и в случае с «Повестью о Савве Грудцыне», их структурная соотношенность с другими составляющими волшебного «первообраза».

Можно понять Марину Цветаеву, которая остро почувствовала близость «Капитанской дочки» к волшебной сказке и рассказала именно

⁷³ Более серьезно эта мысль выражается следующим образом: «Фундаментальным положением логики является то, что язык объекта и язык описания (метаязык) составляют две иерархически различные ступени научного описания, смешение которых недопустимо: язык объекта не может выступать в качестве собственного метаязыка. Следовательно, язык нашей культуры может быть использован для описания других культур (что мы практически всегда и делаем), но не может использоваться для описания нашей культуры, иначе он одновременно выступит в качестве и языка объекта, и языка описания» (Ю. М. Лотман. О типологическом изучении литературы. В сб.: Проблемы типологии русского реализма. М., 1969, стр. 126. См. также другую работу Лотмана: О метаязыке типологических описаний культуры. В сб.: Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969, стр. 460 и след.).

⁷⁴ Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. М., 1965, стр. 81. Ср. также: А. Смирнов-Кутачевский. Иванушка-дурачок в художественной литературе. — «Русская мысль», 1908, кн. 2, стр. 53—54 (второй пагинации).